

Agatha Christie
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Агата
Кристи

Дело
смотрительницы

Агата Кристи

Дело смотрительницы (сборник)

«ЭКСМО»

1979

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Кристи А.

Дело смотрительницы (сборник) / А. Кристи — «Эксмо», 1979

ISBN 978-5-699-83533-1

Много сложнейших дел раскрыла уникальная женщина-сыщик мисс Марпл, но, пожалуй, никогда и нигде ее блестящий талант не раскрывался так, как в ее последних делах. О них и повествует этот сборник рассказов. Великой сыщице предстоит разыскать пропавшие драгоценности, помочь расшифровать завещание, расследовать убийство портновской меркой, раскрыть преступление по книге, вывести на чистую воду мошенниц, а также помочь адвокату защитить клиента. Кроме того, в сборник вошли еще два детективных рассказа, не вошедших ни в один цикл.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-83533-1

© Кристи А., 1979

© Эксмо, 1979

Содержание

Святое место	6
Необычная шутка	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Агата Кристи

Дело смотрительницы (сборник)

Agatha Christie

MISS MARPLE'S FINAL CASES

Copyright © 1979 Agatha Christie Limited.

All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE, MISS MARPLE and the Agatha Christie Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and/or elsewhere.

All rights reserved.

© Тарасов М.В., перевод на русский язык, 2008

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

Святое место

Жена священника вышла из-за угла своего дома, едва удерживая в руках охапку хризантем. На ее грубые, прочно сшитые туфли в изобилии налипла жирная садовая земля; частички почвы попали ей даже на нос, о чем она, разумеется, не подозревала.

Подойдя к старой, висевшей на одной петле калитке, она вступила с ней в единоборство, ибо та никак не хотела открываться. Налетевший порыв ветра подхватил было ее замасленную фетровую шляпку и снова опустил на голову – еще более набекрень.

– Тьфу ты! – воскликнула Пончик.

Прозвище это миссис Хармон получила по вполне понятной причине еще в детстве, и с тех пор оно прилипло к ней намертво, хотя родители-оптимисты и нарекли ее когда-то Дианой.

Крепче прижав хризантемы, она протиснулась в калитку и, пройдя через церковный двор, подошла к дверям церкви.

Ноябрьский воздух был мягким и сырым. Плывущие по небу облака оставляли то здесь, то там лоскутки голубого неба. Внутри, в церкви, было темно и холодно. Ее протапливали только к службе.

– Бр-р-р! – выразительно произнесла жена священника. – Лучше управиться поскорее. А то здесь умрешь от холода.

С быстротой, свидетельствующей о долгой практике, она приготовила всю необходимую утварь: вазы, кувшин с водой, подставки для цветов. «Жаль, что у нас нет лилий, – подумала миссис Хармон, – до чего надоели эти жалкие хризантемы». Проворными пальцами она брала их по одной и ставила в вазу.

В создаваемых ею букетах никогда не было ничего художественного или оригинального, ничего особенного, но ведь и сама Пончик не отличалась ни оригинальностью, ни художественным вкусом, однако в них чувствовалось что-то домашнее, приятное. Она осторожно взяла вазы и пошла к алтарю по проходу между скамьями. И тут выглянуло солнце.

Его лучи проникали сквозь восточное окно, украшенное грубоватым витражом, с преобладающими синим и красным цветами – подарок богатого прихожанина во времена королевы Виктории. Эта неожиданно обильная красочность заставила ее почти вздрогнуть. «Как драгоценные камни в ювелирной лавке», – подумалось ей. Внезапно она остановилась, заметив что-то впереди. На ступенях алтаря смутно виднелась какая-то неясная тень.

Осторожно поставив цветы, Пончик подошла к ступеням и, наклонившись посмотреть, что там, увидела лежащего ничком человека. Она опустилась рядом с ним на колени и медленно, осторожно перевернула. Ее пальцы нащупали пульс – такой слабый и неровный, что это говорило само за себя, так же как и зеленоватый оттенок бледного лица. Ей пришло на ум, что он, без сомнения, умирает.

То был мужчина лет сорока пяти, одетый в темный поношенный костюм. Она отпустила его обмякшую руку, к которой только что прикасалась, и посмотрела на другую. Та была стиснута в кулак у самой груди. Приглядевшись, она увидела, что в кулаке зажато нечто, напоминающее клочок шерсти или большой носовой платок, и он прижимал это к ребрам. Вокруг стиснутой руки виднелись засохшие капли какой-то коричневатой жидкости, и Пончик угадала в ней запекшуюся кровь. Миссис Хармон приподняла голову и нахмурилась.

До сих пор глаза человека были закрыты, но в это мгновение он внезапно открыл их и устремил взгляд на ее лицо. Взгляд не был ни удивленным, ни блуждающим. Он казался вполне живым и все понимающим. Губы зашевелились, и Пончик подалась вперед, чтобы уловить слова или, вернее, слово. Ибо лишь одно слово и было произнесено:

– Святое...

Ей показалось, что когда он произнес – нет, скорее даже выдохнул это слово, – его лицо словно осветилось изнутри едва заметной улыбкой. Нет, она не могла ошибиться, потому что мгновение спустя он опять повторил:

– Святое...

Затем последовал слабый продолжительный вздох, и глаза умирающего снова закрылись. Ее пальцы вновь коснулись его запястья. Пульс еще прощупывался, но стал чуть заметным, прерывистым. Миссис Хармон встала, приняв решение.

– Не двигайтесь, – попросила она, – старайтесь не двигаться. Я схожу за помощью.

Раненый снова открыл глаза, но теперь устремил взор на разноцветные лучи солнца, проникающие сквозь витраж. Его губы пробормотали что-то, чего Пончик не смогла вполне разобрать. К ее недоумению ей показалось, что незнакомец прошептал имя ее мужа.

– Юлиан? – переспросила она. – Вы искали здесь Юлиана?

Раненый не ответил. Теперь он лежал закрыв глаза, дыхание стало неглубоким, едва заметным.

Миссис Хармон повернулась и быстро пошла из церкви. Выйдя на крыльцо, она взглянула на часы и удовлетворенно кивнула. Доктор Гриффитс должен еще вести прием. До него всего пара минут ходьбы. Она сразу прошла через приемную, не тратя времени, чтобы постучать или позвонить в дверь, и заглянула в кабинет.

– Идите скорее, – настойчиво позвала она, – в церкви человек умирает.

Спустя несколько минут доктор Гриффитс уже бегом осмотрел раненого.

– Можно перенести его в ваш дом? Там я смогу лучше о нем позаботиться, – произнес он, вставая с колен, – хотя сомневаюсь, чтобы от этого был прок.

– Конечно, – отозвалась Пончик, – пойду все приготовлю. И пришлю Харпера с Джонсом, хорошо? Чтобы помочь вам его нести.

– Спасибо. Я вызову от вас карету «Скорой помощи», но, боюсь, пока она едет... – он замолчал, не докончив.

– Внутреннее кровотечение? – спросила Пончик.

Доктор Гриффитс кивнул.

– И каким только ветром его сюда занесло? – проговорил он.

– Думаю, он провел тут всю ночь, – предположила Пончик. – Харпер отпирал церковь утром, когда идет работать, но обычно не заходит внутрь.

Всего минут пять спустя доктор Гриффитс уже повесил на место телефонную трубку и вернулся в жилую комнату, где на диване, застланном на скорую руку шерстяными одеялами, лежал раненый. Пончик только-только успела прибраться после осмотра больного и теперь держала в руках тазик с водой.

– Вот такие дела, – сообщил Гриффитс. – «Скорая» вызвана, полиция уведомлена.

Он постоял, хмурясь и глядя на лежащего перед ним пациента. Тот по-прежнему не открывал глаза, но каким-то нервным, судорожным движением все время пытался прижать к боку левую руку.

– В него стреляли, – сказал Гриффитс. – Стреляли в очень тесном помещении. Он скатал свой носовой платок, сделав из него что-то вроде тампона, и затолкал в рану, чтобы остановить кровотечение.

– Он мог пройти большое расстояние после того, как это случилось? – спросила Пончик.

– О да, это вполне возможно. Известен случай, когда смертельно раненный человек встал и пошел вдоль по улице, словно ни в чем не бывало, и лишь минут пять или десять спустя внезапно потерял сознание. Так что совсем не обязательно в него стреляли в церкви. Вовсе нет. Точно так же это могло случиться и на некотором расстоянии от нее. А кроме того, он мог выстрелить сам в себя, уронить револьвер, а потом направиться в церковь, повинувшись какому-то внутреннему зову. Не совсем понимаю, почему он пришел в церковь, а не в дом священника.

– А я знаю *почему*, – сообщила Пончик. – Он так и сказал: «Святое место». Доктор недоуменно взглянул на нее.

– Святое место? – переспросил он.

– А вот и Юлиан, – Пончик обернулась на звук шагов мужа, донесшийся из прихожей. – Юлиан! Иди сюда.

В комнату вошел приходской священник Юлиан Хармон. Он казался старше своих лет оттого, что всегда напускал на себя какой-то ученый рассеянный вид.

– Боже мой! – произнес Юлиан Хармон, останавливая мягкий и удивленный взгляд на хирургических инструментах и на распростертом на диване безжизненном теле.

– Он был в церкви, умирал, – принялась объяснять Пончик, экономя, как всегда, слова. – У него огнестрельная рана. Ты знаешь его, Юлиан? Кажется, он произнес твое имя.

Священник подошел к дивану и посмотрел на умирающего.

– Бедняга, – проговорил он и покачал головой. – Нет, я его не знаю. Почти уверен, что прежде не видел его никогда.

В это мгновение лежащий снова открыл глаза. Он перевел взгляд с доктора на Юлиан Хармона и с него на его жену. Умирающий стал вглядываться в ее лицо. Гриффитс шагнул к нему и настойчивым тоном сказал:

– Не могли бы вы объяснить нам...

Но незнакомец, не отрывая глаз от хозяйки дома, пробормотал слабым голосом:

– Прошу... *прошу*...

Затем по его телу прошла легкая дрожь, и он умер...

Сержант Хейес лизнул карандаш и перевернул страницу блокнота.

– Итак, это все, что вы мне можете рассказать, миссис Хармон?

– Да, все, – сказала Пончик. – Вот вещи из его карманов.

На столе рядом с локтем сержанта Хейеса лежали бумажник, выдавшие виды старые часы с инициалами В.С. и обратный билет до Лондона. Ничего больше.

– Удалось выяснить, кто он? – осведомилась Пончик.

– В полицию звонили некие мистер и миссис Экклз. По-видимому, он ее брат. Убитого звали Сэндборн. В последнее время у него были проблемы и со здоровьем, и с нервами. Недавно он почувствовал себя хуже. Позавчера вышел из дома и не вернулся. И у него был револьвер.

– А здесь он сошел с поезда и застрелился, – подхватила собеседница. – Но почему?

– Ну, понимаете ли, у него была депрессия...

Пончик не дала ему договорить.

– Я не о *том*. Я спрашиваю: почему он оказался здесь?

Поскольку сержант Хейес явно не знал ответа на сей вопрос, он предпочел ответить уклончиво:

– Он приехал автобусом, что прибывает в пять десять.

– Приехал, но *почему*? – настаивала Пончик.

– Не знаю, миссис Хармон, – сдался наконец сержант Хейес. – Это нельзя объяснить. Если рассудок помрачен...

Но Пончик закончила вместо него:

– То это можно сделать где угодно. И все-таки, мне кажется, необязательно садиться на автобус и ехать в такую глушь, как наша. Ведь он, кажется, здесь никого и не знал?

– Трудно сказать наверняка, – промямлил сержант.

Он виновато покашлял и проговорил, вставая со стула:

– Собственно говоря, если вы, мэм, не возражаете, то, может быть, вы позволите, чтобы мистер и миссис Экклз приехали поговорить с вами.

– Конечно, не возражаю, – отозвалась Пончик, – само собой разумеется. Но только что я могу им сказать?

– Ну, вы уж там как-нибудь, – порекомендовал сержант.

– Единственное, что утешает, – проговорила Пончик, провожая его до крыльца, – что это не убийство.

К воротам подъехал автомобиль. Взглянув на него, сержант Хейес предположил:

– Похоже, миссис и мистер Эклз уже добрались сюда, мэм, чтобы потолковать с вами.

Жена священника поняла, что ей придется хорошенько заставить себя выполнить эту нелегкую повинность. «В конце концов, – подумалось ей, – я всегда могу позвать на помощь Юлиана. Когда люди теряют близких, служитель церкви всегда окажется кстати».

Пожалуй, она не смогла бы сказать ясно, какими она представляла себе мистера и миссис Эклз, однако, приветствуя их, она не могла отделаться от чувства, что сильно удивлена. Мистер Эклз оказался тучным багровощеким мужчиной, который в иных обстоятельствах, вероятно, был жизнерадостным весельчаком. Миссис Эклз наверняка обожала выставять себя напоказ, хотя сейчас это не слишком бросалось в глаза. Отличительной чертой ее внешности был маленький злой рот с поджатыми губами. Ее голосок звучал высоко и пронзительно.

– Можете сами представить, миссис Хармон, какой это был страшный удар, – произнесла она.

– Конечно, – ответила Пончик, – понимаю. Прошу вас, садитесь. Могу ли я предложить вам... хотя, пожалуй, для чая еще рановато...

Мистер Эклз сделал протестующий жест пухлой ручкой.

– Нет, нет не утруждайте себя ради нас, – возразил он. – Мы и так вам обязаны; уверяю, вы так любезны. Мы просто хотели... ну... вы понимаете... что там сказал бедняга Вильям и все такое?

– Он долго пробыл за границей, – принялась объяснять миссис Эклз, – и я уверена, что его жизнь там была не сахар. Очень уж он тихим стал, когда вернулся домой, все время в депрессии. Заявлял, что мир не стоит того, чтобы в нем жить, что ему не к чему стремиться и нечего ждать. Бедный Вилли, он вечно хандрил.

Пончик ничего не ответила, но посмотрела на них пристально.

– Представляете, стянул револьвер мужа, – продолжила миссис Эклз через секунду-другую. – Ничего не сказал. Потом приезжает сюда на автобусе. Думаю, очень мило с его стороны. Не захотел сделать это в нашем доме.

– Ах, бедняга, – вздохнул мистер Эклз, – но не нам его осуждать.

Опять повисла короткая пауза, после которой мистер Эклз продолжил:

– Он оставил какую-нибудь записку? Что-либо на прощанье, хоть несколько слов? – И он пристально посмотрел на хозяйку дома ясными глазками, довольно похожими на пороссячьи.

Миссис Эклз между тем подалась вперед, словно с нетерпением ожидала ответа.

– Нет, – спокойным голосом ответила Пончик. – Он пришел умирать в церковь, желая найти убежище в святом месте.

– Убежище? – переспросила миссис Эклз, и в ее голосе прозвучало непонимание. – Убежище? Кажется, я не вполне...

Ее перебил мистер Эклз:

– В святом месте, дорогая, – нетерпеливо разъяснил он, – вот что имеет в виду супруга священника. Ты же ведь знаешь, самоубийство – грех. Думаю, он хотел помолиться Богу о прощении.

– Перед самой смертью он пытался что-то сказать, – припомнила Пончик. – «Прошу...» – начал он, да так и не смог закончить.

Миссис Эклз приложила к глазам носовой платок и потянула носом.

– О, господи, – проговорила она. – Как это жутко трогательно, правда?

– Ну полно, полно, Памела, – отозвался муж. – Не принимай чересчур близко к сердцу. Тут уж ничем не поможешь. Бедный Вилли. Теперь наконец он обрел покой. Большое вам спасибо, миссис Хармон. Надеюсь, мы не слишком оторвали вас от дел. Мы понимаем, как много их у жены священника.

На прощанье они пожали ей руку. Уже уходя, Экклз неожиданно обернулся к ней и сказал:

– Ах да, вот еще что. Надеюсь его одежда у вас?

– Одежда? – нахмурилась Пончик.

– Ну да, – пришла на помощь мужу миссис Экклз, – нам бы хотелось забрать все его вещи. Мы, знаете, так сентиментальны.

– У него в карманах лежали часы, бумажник и железнодорожный билет, – сообщила Пончик. – Я отдала их сержанту Хейесу.

– Тогда все в порядке, – сказал мистер Экклз. – Надеюсь, он их нам передаст. Все, что нам нужно, должно быть в бумажнике.

– Там находилась только однофунтовая банкнота, – возразила Пончик, – больше ничего.

– Никаких писем? Ничего вроде этого?

Пончик покачала головой.

– Что же, тогда еще раз спасибо, миссис Хармон. А вот насчет пиджака – наверно, полицейский тоже его забрал или как?

Пончик нахмурила брови, напрягая память.

– Нет, – проговорила она. – Кажется, нет... Дайте-ка припомнить. Мы с доктором сняли его, чтобы осмотреть рану. – Она обвела комнату рассеянным взглядом. – Должно быть, я унесла его наверх вместе с тазиком и полотенцами.

– Если не возражаете, миссис Хармон, то мне бы хотелось... Он будет нам дорог... Этот пиджак, видите ли, последняя вещь, которую он носил. Поймите, жена у меня такая сентиментальная по этой части.

– Разумеется, – согласилась Пончик. – Однако не почистить ли мне его сперва? Боюсь, он довольно сильно... как бы... запачкан.

– О нет, нет, нет, это ничего.

Пончик нахмурилась.

– Тогда дайте сообразить, где... Простите, я на минутку. – Она поднялась наверх и вернулась лишь через несколько минут. – Простите, – произнесла она, переводя дыхание. – Женщина, что помогает мне по хозяйству, положила его вместе с другой одеждой, приготовленной для чистки. Я не сразу нашла. Вот он. Сейчас заверну в оберточную бумагу.

Она проделала это, несмотря на протесты, и после нового прощания, сопровождающегося еще одним излиянием слов благодарности, Экклзы отбыли.

Возвращаясь от входной двери, Пончик медленно пересекла прихожую и прошла в кабинет. Преподобный Юлиан Хармон оторвался от сочинения проповеди и поднял на нее потеплевший взгляд. Он уже было совсем испугался, что его так и оставят блуждать в лабиринтах политических отношений между Иудеей и Персией времен царя Кира.

– Что, дорогая? – произнес он с надеждой.

– Юлиан, – обратилась к нему Пончик. – Объясни мне точно, какова связь между понятиями «убежище» и «святое место».

Юлиан Хармон с благодарным видом отложил в сторону листки с проповедью.

– Видишь ли, – начал он, – святым местом в римских и греческих храмах являлась *целла*, то есть святилище, где помещалась статуя бога. В английском языке с этим словом связано и понятие убежища, ибо латинское слово *ara*, обозначающее «*алтарь*», переводится так же, как «убежище, защита». – В его голосе зазвучали ученые нотки, и он продолжил: – В 399 году от Рождества Христова право на получение убежища в христианских храмах было признано

окончательно и бесповоротно. В Англии наиболее раннее упоминание о праве на убежище в церкви содержится в кодексе законов короля Этельберта, то есть от Рождества Христова в шестьсот...

И он продолжал говорить в том же духе еще какое-то время, но затем, как это часто случалось, его смутило то, с каким видом жена выслушивает его ученые рассуждения.

– Дорогой, – проговорила она, – ты действительно прелесть.

И, наклонившись, она поцеловала его в кончик носа. Юлиан ощутил себя собачкой, вознагражденной за умело исполненный хитрый трюк.

– Экклзы у нас уже побывали, – сообщила Пончик.

Ее муж нахмурился.

– Экклзы? Я вроде не помню...

– Ты их не знаешь. Это сестра человека из церкви и ее муж.

– О боже, тебе следовало меня позвать.

– В этом не было необходимости, – возразила Пончик. – Они не нуждались в утешении. Так что хотелось бы мне знать... – Она слегка нахмурила брови. – Если я оставлю тебе завтра в духовке запеканку из риса, мяса и овощей, ты продержишься до моего возвращения? Мне придется съездить в Лондон и мчаться на всех парусах.

– Парусах? – Муж посмотрел на нее непонимающе. – Ты имеешь в виду гонки на яхтах или что-нибудь в этом роде?

Пончик рассмеялась.

– Нет, дорогой. Я хотела сказать, что мне нужно незамедлительно съездить на специальную распродажу холщовых тканей в универмаг Барроуз-энд-Портманз. Ну там, понимаешь, всякие простыни, скатерти, полотенца, салфетки. Не знаю, что мы делаем с нашими салфетками, что они так быстро изнашиваются. Кроме того, – добавила она с задумчивым видом, – думаю, мне следует навестить тетюшку Джейн.

Мисс Джейн Марпл, та самая милейшая пожилая леди, о которой шла речь, уже десять дней наслаждалась прелестями столичной жизни, уютно устроившись в расположенной на мансарде квартирке своего племянника.

– Как это мило со стороны моего дорогого Раймонда, – проворковала она. – Они с Джоан уехали на десять дней в Америку и настояли, чтобы я поселилась тут и немножко развлеклась. А теперь, голубушка Пончик, расскажи мне скорей о том, что, судя по всему, тебя очень волнует.

Пончик была у мисс Марпл любимой крестницей, и старушке доставило большое удовольствие наблюдать за тем, как та, сдвинув на самый затылок свою лучшую фетровую шляпку, начала рассказ.

Отчет о происшедшем был ясен и краток. Мисс Марпл кивнула, едва Пончик закончила.

– Понятно, – произнесла она. – Ну да, понятно.

– Вот почему мне так захотелось тебя навестить, – извинилась Пончик. – Я, видишь ли, не так умна...

– Но ты умна, дорогая.

– Нет, вовсе нет. Не так умна, как Юлиан.

– Юлиан, конечно, обладает весьма солидным интеллектом, – не стала спорить мисс Марпл.

– Вот именно, – согласилась Пончик. – У Юлиана интеллект, а у меня же, напротив, способность рассуждать здраво.

– У тебя полно здравого смысла, Пончик, и ты очень смышленная.

– Понимаешь, я никак не могу решить, что мне следует делать. Я не могу посоветоваться с Юлианом, потому что... я имею в виду, Юлиан, он такой прямолинейный.

Мисс Марпл, оказывается, прекрасно поняла, что хотела сказать ее крестница, и ответила:

– Я знаю, что ты имеешь в виду. Мы женщины... ну, в общем, совсем другое дело. Однако вернемся к произошедшему. Ты рассказала, что случилось, Пончик, но мне бы сперва хотелось поточнее узнать, что ты думаешь.

– Тут что-то не так, – ответила та. – Тот умирающий в церкви знал все о том, что в этом святом месте он имеет право на убежище. Он произнес те слова как раз так, как это сделал бы Джулиан. То есть он был начитан и образован. И если бы это было самоубийство, он не притащился бы после в церковь и не стал говорить о святом месте. Он явно подразумевал, что имеет право на убежище, что предполагает наличие как преследования, так и веры в то, что в церкви он в безопасности. Преследователи не могут причинить там зло. Когда-то человека не могла там достать даже рука закона.

Она вопросительно посмотрела на мисс Марпл. Та кивнула. Пончик продолжила:

– А Экклзы, которые к нам приезжали, совсем другие. Грубые и невежественные. И вот еще что. Те часы – часы умершего. На задней крышке были инициалы В.С. А внутри – я их открывала – мельчайшими буквами написано: «Вальтеру от отца» и дата. *Вальтер*. А Экклзы все время называли его Вильям или Вилли.

Мисс Марпл явно хотела что-то сказать, но Пончик не смогла удержаться и затараторила:

– Конечно же, не всех называют тем именем, под которым они крещены. То есть я хорошо понимаю, что вас могут окрестить Вильямом и называть Порги или Кэрротс или как-либо еще. Но сестра не станет называть вас Вильямом или Вилли, если вас зовут Вальтер.

– Ты думаешь, что она не его сестра?

– Я совершенно уверена, что она ему не сестра. Они были ужасны – оба. Они явились в наш дом забрать его вещи и выведать, не сказал ли он что-то перед смертью. Когда я сказала, что нет, они почувствовали облегчение – я поняла это по их лицам. Мне думается, – подытожила Пончик, – что это Экклз его застрелил.

– Убийство? – спросила мисс Марпл.

– Да, – подтвердила Пончик, – убийство. Вот почему я пришла к тебе, дорогая.

Последнее замечание могло бы показаться неуместным для непосвященного, но в определенных кругах за мисс Марпл укрепились репутация человека, сведущего по части убийств.

– Перед смертью он сказал мне «прошу», – продолжила Пончик. – Он хотел, чтобы я для него что-то сделала. Самое ужасное, я не имею понятия, что именно.

Мисс Марпл поразмышляла секунду-другую, а затем обратилась к вопросу, который уже приходил в голову ее собеседнице.

– А почему он вообще там оказался? – спросила она.

– Вы намекаете, – проговорила Пончик, – что если вам нужно убежище в святом месте, вы можете заскочить в любую церковь где угодно. Для этого нет нужды садиться в автобус, который ходит лишь четыре раза в день, и выходить в таком глухом местечке, как наше.

– Он обязательно приехал с какой-то целью, – подумала вслух мисс Марпл. – Он явно приехал, чтобы с кем-то встретиться. Чиппинг-Клегхорн совсем небольшая деревушка, Пончик. Тебе, должно быть, самой приходило кое-что в голову насчет того, к кому бы он мог приехать?

Пончик перебрала в памяти обитателей деревушки и в сомнении покачала головой.

– Собственно говоря, – ответила она, – это мог быть кто угодно.

– Он никого не назвал по имени?

– Он произнес имя Юлиан, верней, я подумала, что он произнес это имя, пожалуй, это могла быть какая-то Юлия. Однако, насколько я знаю, у нас в Чиппинг-Клегхорне вовсе нет никакой Юлии.

Она прищурила глаза, стараясь воскресить в памяти все, что произошло в тот день. Человека, лежащего на ступенях алтаря, свет, льющийся через витраж из красных и синих стеклышек, которые солнце делало похожими на ювелирные украшения из драгоценных камней.

– Ювелирные... – задумчиво произнесла мисс Марпл.

– А теперь, – продолжила Пончик, – я подхожу к самому важному. К тому, из-за чего я сегодня на самом деле и приехала. Понимаешь, Эклзы разыграли целый спектакль, желая заполучить пиджак. Мы сняли его, когда доктор осматривал раненого. То был, наверное, самый старый и поношенный из всех пиджаков – зачем он им понадобился, непонятно. Они притворились, что все дело в сентиментальных воспоминаниях, да это все чепуха. Но все равно я пошла его искать и, когда поднималась по лестнице, вспомнила, как раненый все время схватывал что-то рукой, как будто что-то нащупывал в пиджаке. Так что, когда я взяла пиджак в руки, то осмотрела его очень внимательно и увидела, что в одном месте подкладка пришита заново и другими нитками. Поэтому я ее слегка оторвала и нашла под ней кусочек бумаги. Я ее вынула и снова аккуратно пришила подкладку подходящей по цвету ниткой. Я была очень осторожна и не думаю, чтобы Эклзы догадались, что я это сделала. Мне так *кажется*, но я не могу быть вполне уверена. Потом я спустилась вниз, отдала им пиджак и придумала кое-что, чтобы объяснить, почему задержалась.

– Кусочек бумаги? – переспросила мисс Марпл.

Пончик открыла сумочку.

– Я не стала показывать его Юлиану, – объяснила она, – потому что он бы сказал, что его следует отдать Эклзам. Но я подумала, что лучше привезти его тебе.

– Багажная квитанция, – определила мисс Марпл, внимательно ее разглядывая. – Лондонский вокзал Паддингтон.

– А в кармане у него лежал обратный билет до Паддингтона, – добавила Пончик.

И обе женщины посмотрели друг другу в глаза.

– Это взывает к действию, – решительно заявила мисс Марпл. – Но, думается, следует соблюдать осторожность. А не заметила ли ты, милочка, не шел ли кто за тобой следом, когда ты сегодня приехала в Лондон?

– Следом! – воскликнула Пончик. – Неужели ты думаешь...

– Знаешь ли, я думаю это вполне *возможно*, – проговорила мисс Марпл. – А когда что-то возможно, то, мне кажется, следует принять меры предосторожности. – Она резко встала. – Дорогая, ты приехала сюда под предлогом, что тебе нужно сходить на распродажу. Поэтому я считаю, что самым правильным для нас будет *пойти* на распродажу, но, прежде чем нам туда отправится, возможно, следует кое-что сделать. Полагаю, – добавила мисс Марпл таинственно, – что мне в ближайшее время не понадобится старый костюм из крапчатого твида с бровным воротником.

Примерно полтора часа спустя две дамы, одетые далеко не лучшим образом и выглядящие довольно потрепанным, со свертками белья под мышками, добытого в нелегкой борьбе, присели в маленьком уединенном кафе под названием «Яблонева ветвь», чтобы подкрепиться стейком и фасолевым пудингом, за которым последовали яблочный пирог и заварной крем.

– Полотенца для лица настоящего довоенного качества, – с восторгом произнесла мисс Марпл, учащенно дыша. – И, кстати, на них буква Д. Как повезло, что у Раймонда жену зовут Джоанна. Я отложу их и не буду пользоваться, пока нет особой нужды, и тогда они ей пригодятся, если я преставлюсь раньше, чем ожидаю.

– Мне в самом деле нужны салфетки, – сказала Пончик. – И мне достались по-настоящему дешевые, хоть и не такие, как те, что ухватила передо мной та рыжая тетка.

В этот момент в «Яблоневую ветвь» вошла молодая дама, шикарно одетая и впечатляющая обилием румян и губной помады. Она обвела помещение рассеянным взглядом и спу-

стя секунду-другую подошла торопливым шагом к их столику. Положив у локтя мисс Марпл какой-то конверт, она обратилась к ней:

– Возьмите, мисс, – сказала дама отрывисто.

– Спасибо Глэдис, – ответила мисс Марпл. – Большое спасибо. Вы очень любезны.

– Всегда рада сделать вам одолжение, – проговорила Глэдис. – Эрни постоянно говорит: «Всему хорошему ты научилась у этой твоей мисс Марпл, когда была у нее в услужении». И можете быть уверены, что я всегда готова угодить вам, мисс.

– Какая милая девочка, – отметила мисс Марпл, как только Глэдис вышла. – Такая добрая и всегда готова прийти на помощь.

Она заглянула в конверт и затем передала его собеседнице.

– А теперь, дорогая, тебе следует быть как можно более осторожной, – напомнила она. – Между прочим, как ты думаешь, в мелчестерском полицейском участке все еще служит тот милый юный инспектор, с которым мне доводилось иметь дело?

– Не знаю, – ответила Пончик. – Наверное.

– Ну а если нет, – проговорила мисс Марпл задумчиво, – я всегда могу позвонить главному констеблю. Уж он-то, думаю, меня помнит.

– Конечно, помнит, – согласилась Пончик. – Попробовал бы кто не запомнить. Другой такой нет. – Она встала.

Приехав на вокзал Паддингтон, Пончик прошла в багажное отделение и протянула квитанцию. Спустя пару секунд ей был вручен довольно потертый старый чемодан, и с ним она проследовала на перрон.

Поездка домой прошла без происшествий. Когда поезд подошел к Чиппинг-Клеghорну, Пончик встала и подняла чемодан. Но едва она вышла из вагона, как подбежавший мужчина внезапно выхватил чемодан и бросился прочь по платформе.

– Стой! – закричала Пончик. – Остановите его, остановите. Он взял мой чемодан.

Контролер, проверявший билеты при входе на перрон на этой захолустной станции, был настоящий тугодум, и едва он промямлил: «Эй вы, послушайте, так нельзя...» – как роскошный удар в грудь откинул его в сторону, и мужчина с чемоданом выбежал со станции. Неподалеку его ждала машина. Засунув в нее чемодан, он уже собирался последовать за ним, но, прежде чем ему удалось это сделать, на его плечо легла рука стража закона, и голос полицейского констебля Абеля произнес:

– Ну, в чем дело?

Тут, запыхавшись, прибежала со станции Пончик.

– Он выхватил мой чемодан. Я с ним только что сошла с поезда.

– Ерунда, – ответил мужчина. – Не понимаю, что имеет в виду эта леди. Это мой чемодан. Это я только что сошел с ним с поезда.

Он непонимающе посмотрел на нее, словно искал справедливости. Никто бы не догадался, что полицейский констебль Абель любил поболтать с миссис Хармон в нерабочее время, обсуждая достоинства и недостатки применения навоза и костной муки для выращивания роз.

– Так вы говорите, мадам, что это ваш чемодан? – задал вопрос полицейский констебль Абель.

– Да, – отвечала Пончик. – Именно так.

– А вы, сэр?

– А я говорю, чемодан мой.

Мужчина был высок, темноволос и хорошо одет, у него был певучий голос и прекрасные манеры. Из машины раздался женский голос:

– Конечно, это твой чемодан, Эдвин. Я тоже не понимаю, что нужно этой женщине.

– Придется выяснить, – вмешался полицейский констебль Абель. – Если это ваш чемодан, мадам, что, по-вашему, в нем лежит?

– Одежда, – сообщила Пончик. – Длинный крапчатый пиджак с бобровым воротником, два шерстяных джемпера и пара туфель.

– Ну что же, все понятно. – И констебль повернулся к темноволосому мужчине.

– Я костюмер, работаю в театре, – объяснил тот с важным видом. – В этом чемодане находится театральный реквизит, который я привез из Лондона для любительского спектакля.

– Прекрасно, сэр, – сказал полицейский констебль Абель. – Ну а теперь не заглянуть ли нам внутрь, чтобы выяснить, что же там находится? Можно пройти в полицейский участок, но если вы спешите, то отнесем чемодан обратно на станцию и откроем там.

– Годится, – согласился темноволосый. – Между прочим, меня зовут Мосс, Эдвин Мосс. Констебль взял чемодан, и они пошли на станцию.

– Мы только пройдем в посылочное отделение, Джордж, – сказал он контролеру.

Полицейский констебль Абель положил чемодан на прилавок посылочного отделения и открыл замок. Чемодан не был заперт. Пончик и мистер Эдвин Мосс стояли по обе стороны от него и обменивались неприязненными взглядами.

– Ага! – произнес полицейский констебль Абель, открывая крышку чемодана.

Внутри его, аккуратно сложенные, лежали длинный, довольно поношенный твидовый пиджак с бобровым воротником, а также два шерстяных джемпера и пара прогулочных туфель.

– Все в точности, как вы сказали, мадам, – отметил полицейский констебль Абель, поворачиваясь к миссис Хармон.

Никто не посмел бы назвать мистера Эдвина Мосса бесчувственным человеком. Его испуг и раскаяние не знали предела.

– Я страшно извиняюсь, – начал он. – Правда, ужасно извиняюсь. Умоляю поверить мне, дорогая леди, когда я говорю вам, как сильно, сильно я сожалею. Мое поведение было непростительным, совершенно непростительным... – Он посмотрел на свои часы. – Я крайне спешу. Возможно, мой чемодан уехал вместе с поездом, – еще раз приподняв шляпу, проговорил он медоточивым голосом, обращаясь к Пончику: – Пожалуйста, пожалуйста извините меня, – и спешно бросился вон из посылочного отделения.

– И вы позволите ему уйти? – спросила Пончик полицейского констебля Абеля заговорщическим шепотом.

Тот медленно и бесстрастно прикрыл один глаз, словно подмигивая.

– Он не уйдет далеко, мэм. Вернее сказать, он не уйдет далеко без должного наблюдения, если вы понимаете, на что я намекаю.

– О, – облегченно вздохнула Пончик.

– Та пожилая леди звонила по телефону, – поведал полицейский констебль Абель, – Та самая, что приезжала из Лондона несколько лет назад. Умнющая, правда? Однако ну и заваруха была сегодня. Не удивлюсь, если завтра утром инспектор или сержант наведаются к вам насчет всего этого.

Явился не кто иной, как сам инспектор Крэдок, о котором вспоминала мисс Марпл. Он приветствовал миссис Хармон улыбкой старого друга.

– Опять преступление в Чиппинг-Клегхорне! – воскликнул он жизнерадостно. – У вас тут нет недостатка в сенсациях, не так ли, мисс Хармон?

– Я бы могла без них обойтись, – проговорила Пончик. – Вы пришли задать мне какие-то вопросы или для разнообразия желаете рассказать что-нибудь сами?

– Сперва кое-что расскажу, – пообещал инспектор. – Начну с того, что на мистера и миссис Экклз с некоторых пор уже обратили внимание. Есть основание полагать, что они связаны с несколькими грабежами в Западной Европе. Во-вторых, хотя мистер Экклз действительно имеет брата по фамилии Сэндборн, который недавно вернулся из-за границы, тот человек, которого вчера вы нашли умирающим в церкви, был определенно не Сэндборн.

– Я знала, что это так, – ответила Пончик. – Начать с того, что его звали Вальтер, а не Вильям.

Инспектор кивнул.

– Его звали Вальтер Сент-Джон, и сорок восемь часов назад он сбежал из Черрингтонской тюрьмы.

– Ну разумеется, – прошептала себе под нос Пончик. – Его преследовала рука закона, и он искал убежища в святом месте. – Затем она обратилась с вопросом: – Так что же он сделал?

– Мне придется начать довольно издалека. Это запутанная история. Несколько лет назад некая танцовщица совершала турне, выступая в различных мюзик-холлах. Не думаю, чтобы вы когда-либо о ней слышали, но она специализировалась на некоем сюжете из сказок тысяча и одной ночи под названием «Аладдин в пещере сокровищ». При этом на ней были украшения из фальшивых бриллиантов и больше почти ничего. То была, пожалуй, не бог весть какая танцовщица, но зато она была, как бы это сказать... привлекательна. Так или иначе, некий азиатский принц вспылал к ней очень большой симпатией. Среди всего, что он ей подарил, было великолепное изумрудное ожерелье.

– Те самые знаменитые драгоценные камни раджи? – произнесла Пончик восторженно.

Инспектор Крэдок кашлянул.

– Ну, несколько осовремененная версия, миссис Хармон. Их связь длилась не очень долго и оборвалась, когда вниманием нашего принца завладела некая кинозвезда, чьи запросы оказались уже не столь скромными. Зобейда – под этим именем наша танцовщица выступала на сцене – души не чаяла в своем ожерелье, постоянно его носила, и в конце концов его украли. Оно исчезло из ее театральной гримерной, и мы долго подозревали, что, может быть, она сама организовала его исчезновение. Такое иногда проделывали, чтобы привлечь к себе внимание или даже по мотивам еще более бесчестным. Ожерелье так и не нашли, но во время расследования внимание полиции привлек этот самый Вальтер Сент-Джон. Он был человек образованный и получил хорошее воспитание, но затем разочаровался в жизни, опустил и стал работать на ювелирную фирму с довольно сомнительной репутацией, которую подозревали в том, что она служит ширмой для продажи краденых драгоценностей. Были основания полагать, что ожерелье прошло через его руки. В конце концов, он предстал перед судом, был осужден и попал в тюрьму, правда, совсем по другому делу, связанному с кражей других ювелирных изделий. Ему оставалось отсидеть совсем немного, так что его побег оказался для всех довольно неожиданным.

– Но почему он приехал сюда? – спросила Пончик.

– Нам бы самим очень хотелось это знать, миссис Хармон. Его злключения, по-видимому, начались с того, что он сперва поехал в Лондон. Он не навестил никого из своих старых знакомых, но побывал у одной старушки по имени миссис Джекобс, которая раньше работала театральной костюмершей. Та не сказала ни слова о том, зачем он к ней приезжал, но, согласно показаниям соседей, он ушел от нее с чемоданом.

– Понятно, – догадалась Пончик, – он оставил его в камере хранения на вокзале Паддингтон, а затем приехал сюда.

– К тому времени, – продолжил инспектор Крэдок, – Эклз и его сообщник, называвший себя Элвин Мосс, уже шли по его следу. Им хотелось заполучить тот чемодан. Они видели, как он садился в автобус. Должно быть, они обогнали его на автомобиле и следили, где и когда он сойдет.

– А потом убили? – спросила Пончик.

– Именно, – ответил Крэдок. – Стреляли в него. Револьвер принадлежал Эклзу, но я склонен полагать, что стрелял Мосс. А теперь, миссис Хармон, нам очень хотелось бы знать, где находится тот самый чемодан, который Вальтер Сент-Джон на самом деле оставил на Паддингтонском вокзале?

Пончик улыбнулась.

– Скорее всего, тетушка Джейн уже его получила, – проговорила она, – Я хочу сказать мисс Марпл. Это был ее план. Она послала свою бывшую служанку с чемоданом, куда положила свои вещи, в багажное отделение на вокзале, и мы поменялись квитанциями. Я забрала ее чемодан и поехала с ним на поезде. Она явно ожидала, что его у меня попытаются отобрать.

Теперь настал черед инспектора Крэддока улыбнуться.

– Так она и сказала, когда позвонила. Я еду в Лондон, чтобы встретиться с ней. Кстати, хотите поехать со мной, миссис Хармон?

– Ну-у... – протянула Пончик раздумывая, – ну-у... собственно говоря, это очень кстати. Прошлым вечером у меня болел зуб, так что мне действительно нужно съездить в Лондон и посетить моего зубного врача, правда?

– Определенно, – заверил ее инспектор Крэддок.

Мисс Марпл перевела взгляд с лица инспектора Крэддока на порозовевшее от волнения лицо миссис Хармон. Чемодан лежал на столе.

– Конечно, я не открывала его, – заверила пожилая леди. – Я не осмелилась и помыслить об этом до прибытия официального лица. Кроме того, – добавила она с притворно застенчивой и одновременно озорной улыбкой, которая так часто украшала юных девиц во времена королевы Виктории, – он заперт.

– Хотите попробовать угадать, что там внутри, мисс Марпл? – осведомился инспектор.

– Я бы, пожалуй, предположила, – проговорила мисс Марпл, – что здесь окажутся театральные костюмы Зобейды. Дать вам долото, инспектор?

Долото действительно пригодилось. Едва чемодан приоткрылся, как обе дамы тихонько вздохнули от изумления. Льющийся из окна солнечный свет осветил то, что показалось им невероятным сокровищем, – целую грудку искрящихся драгоценных камней, красных, голубых, зеленых, оранжевых.

– Пещера Аладдина, – выдохнула мисс Марпл. – Блестящие камушки, в которых девочка так любила танцевать.

– Да, – проговорил инспектор Крэддок. – Но, как вы думаете, чего в них настолько привлекательного, что потребовалось убить человека, чтобы их заполучить?

– Полагаю, она была умной девушкой, – проговорила мисс Марпл задумчиво. – Кажется, инспектор, она умерла?

– Да, три года назад.

– И она обладала таким замечательным изумрудным ожерельем, – сказала мисс Марпл, продолжая размышлять. – Наша танцовщица вынула камни из оправы и прикрепила их то здесь, то там на свой театральный костюм, где их можно было принять за цветные стекляшки. Затем она сделала дубликаты, вот их-то и украли. Неудивительно, что ожерелье никто не пытался продать. Вор вскорости обнаружил, что камни поддельные.

– Здесь лежит конверт, – сообщила Пончик, отодвигая в сторону часть блестящих стразов.

Инспектор Крэддок взял письмо из ее рук и вынул два листка, похожих на документы.

– «Свидетельство о браке между Вальтером Эдмундом Сент-Джоном и Мэри Мосс», – прочел он вслух. – Это было настоящее имя Зобейды.

– Так, значит, они поженились, – проговорила мисс Марпл. – Понятно.

– А что там еще? – спросила Пончик.

– Свидетельство о рождении их дочери Юлии.

– Юлии? – воскликнула Пончик. – Ну конечно, Юлия! Крошка *Жюли*! Вот оно что. Теперь понятно, зачем он приехал в Чиппинг-Клегхорн. Вот что он пытался мне сказать. Юлия. Ведь вы знаете семью Мунди. Они живут на вилле Лабурнум, присматривают за чьей-то дев-

чушкой. Очень привязаны к ней. Она им как внучка. Конечно, теперь я вспомнила, ее действительно звали Юлия, да только теперь они и все остальные зовут ее только Жюли. С миссис Мунди с неделю назад случился удар, а старик очень болен, у него воспаление легких. Они оба собирались лечь в больницу. Мне пришлось немало похлопотать, чтобы найти для Жюли хорошую семью, где она смогла бы пожить. Я не хотела, чтобы ее забрали в приют. Наверно, ее отец узнал об этом в тюрьме и потому сбежал, а затем ему удалось получить чемодан у старой костюмерши, у которой его оставил он или его жена. Думаю, если драгоценные камни действительно принадлежали ее матери, то теперь их можно использовать, чтобы устроить судьбу девочки.

– Почему бы и нет, миссис Хармон. Если только они действительно здесь.

– А где же им еще быть! – весело воскликнула мисс Марпл.

– Слава богу, ты наконец вернулась, – облегченно вздохнул преподобный Юлиан Хармон, приветствуя милую и ненаглядную женушку. – Миссис Берт, когда тебя нет, старается как может, однако на ланч она мне подала ну очень уж необычные пирожки с рыбой. Я не хотел ее огорчать, но даже Тиглатпаласар не мог их есть, так что пришлось выбросить их в окно.

– Тиглатпаласар, – проговорила Пончик, поглаживая кота, вскочившего ей на колени и замурлыкавшего, – ну очень уж разборчив по части рыбы. И я частенько ему говорю, что нельзя быть таким привередой!

– А как твой зуб, дорогая? С ним все в порядке?

– Да, он почти не болел, и я опять навестила тетюшку Джейн...

– Прелестная старушка, – перебил ее муж. – Кажется, за последнее время она совершенно не постарела.

– Ни чуточки, – улыбнулась Пончик.

На следующее утро Пончик принесла в церковь новую охапку хризантем. Солнечный свет опять проникал туда через восточное окно, и Пончик опять стояла на ступенях алтарного возвышения в его лучиках – разноцветных, как огоньки на усеянных камнями ювелирных украшениях. И она проговорила едва слышным голосом:

– С твоей дочуркой все будет хорошо. Я позабочусь об этом. Обещаю.

Затем, прибравшись в церкви, она прошла на свое обычное место и, преклонив колени, помолилась немного, прежде чем отправиться домой расхлебывать последствия двухдневного пренебрежения обязанностями хозяйки.

Необычная шутка

– А это... – произнесла Джейн Хелиер, заканчивая представлять гостей, – это мисс Марпл!

Да, будучи актрисой, она умела поставить точку. При наивысшем взлете, настоящий триумфальный финал. Особый эффект производила и сама необычность ситуации: особа, присутствие коей столь гордо провозглашалось, была всего-навсего скромной и несколько нескладной пожилой леди, да к тому же старою девай. В глазах молодой пары, которая только что познакомилась с нею благодаря любезности Джейн, появились недоверие и намек на уныние. Они прекрасно смотрелись: девушка по имени Чармиан Строуд, стройная и темноволосая, и молодой человек, Эдвард Росситер, добродушный блондин гигантского роста.

– О! – произнесла Чармиан, слегка волнуясь. – Мы так рады с вами познакомиться. – Но сомнение в ее глазах осталось. Она бросила быстрый, вопрошающий взгляд на Джейн Хелиер.

– Милочка, – словно отвечая на него, возразила Джейн. – Она совершенно *изумительна*. Предоставьте все ей. Я обещала вам ее привести, и вот она здесь. – Затем она обратилась к мисс Марпл: – Я знаю, что *вы* для них все устроите. Для *вас* это будет просто.

Мисс Марпл устремила безмятежный взор ясных голубых глаз на мистера Росситера.

– Не расскажете ли вы мне, – проговорила она, – о чем, собственно, идет речь?

– Джейн – наш друг, – нетерпеливо вступила Чармиан. – Мы с Эдвардом оказались в довольно затруднительном положении. Джейн сказала, если мы придем к ней в гости, она представит нас кое-кому, кто... кто, может быть... кто смог бы...

Эдвард пришел ей на помощь:

– Джейн рассказала, что вы несравненный сыщик, мисс Марпл!

Глаза пожилой леди блеснули, однако она скромно запротестовала:

– О нет, нет, ничего подобного, просто если живешь в деревне, как я, то узнаешь о человеческой природе так много. Но вы меня действительно заинтриговали. Давайте-ка расскажите, что у вас там произошло.

– Увы, это так банально, речь идет всего-навсего о зарытых сокровищах, – начал свою историю Эдвард.

– В самом деле? Звучит прямо захватывающе!

– Ну да. Словно «Остров сокровищ». Однако наш случай начисто лишен обычного в таком деле духа романтики. Ни значка на карте, ни черепа и перекрещенных костей, ни указаний, типа «четыре шага налево к северо-западу». Все крайне прозаично: нужно выяснить, где копать.

– А вы уже пробовали?

– Мы, знаете ли, вскопали уже почти целый гектар! Вся земля в поместье готова к высадке в грунт овощной рассады. Нам только осталось обсудить, что мы начнем поставлять на рынок, цукини или картофель.

– Однако, – прервала его Чармиан, – может быть, мы действительно расскажем вам обо всем по порядку?

– Ну разумеется, дорогая.

– Тогда давайте найдем укромный уголок, пойдем, Эдвард. – И она пошла впереди них через полную людей комнату, где витали клубы табачного дыма, а затем провела вверх по лестнице в маленькую гостиную на третьем этаже.

Когда они сели, Чармиан приступила к рассказу:

– Итак, дело вот в чем! – произнесла она отрывистым голосом. – Все началось во времена, когда жил дядюшка Мэтью; то был наш, как бы это сказать ... прапрадед, так, что ли?... Он был невероятно стар. Из всех родственников у него остались только Эдвард и я. Он очень

любил нас и всегда заявлял, что, когда умрет, оставит деньги нам, поделив поровну. Ну хорошо, он умер в марте этого года и оставил все, что у него было, мне и Эдварду. То, что я сейчас сказала, показалось вам, наверное, бессердечным... Я не хотела сказать, что мы обрадовались его смерти, собственно, мы очень любили его. Но он долго болел.

– И вообще дело в том, что пресловутое «все», оставленное им, оказалось практически ничем. Честно говоря, это оказалось для нас своего рода ударом. Правда, Эдвард?

Добродушный Эдвард подтвердил.

– Видите ли, – пояснил он, – мы на эти деньги немного рассчитывали. Понимаете, когда знаешь, что в будущем тебя ожидает солидная сумма, то ты... как бы сказать... не очень-то вкалываешь и не стараешься заработать деньги своим горбом. Я служу в армии, так что о каком-то приработке к жалованию и говорить нечего, а у самой Чармиан тоже нет ни гроша. Она работает помощником режиссера в репертуарном театре, работа интересная, ей нравится, но совершенно не денежная. У нас были планы по части брака, но мы не тревожились о денежной стороне, потому что оба знали, что в один прекрасный день станем обеспеченными людьми.

– А теперь, как видите, ими не стали! – воскликнула Чармиан. – А что хуже всего, нам потребуется, возможно, продать Анстейз, фамильное поместье, а я и Эдвард очень его любим. И Эдвард, и я чувствуем, что просто не вынесем этого! Но если мы не найдем деньги дядюшки Мэтью, придется это сделать.

– Но послушай, Чармиан, – вмешался Эдвард, – мы все еще так и не подошли к самому главному.

– Ну тогда говори ты.

– Так вот, понимаете ли, – обратился Эдвард к мисс Марпл, – по мере того, как дядюшка Мэтью становился все дряхлее, он проявлял все больше и больше подозрительности, не доверял никому.

– Очень разумно с его стороны, – заметила мисс Марпл. – Порочность человеческой природы не знает предела.

– Возможно, вы и правы. Как бы там ни было, дядюшка Мэтью считал именно так. У него был друг, который потерял деньги, вложив их в банк, и еще один друг, которого разорил адвокат, скрывшийся с его деньгами, да и он сам потерял кое-что при злостном банкротстве одной компании. Он дошел до того, что принялся утверждать, будто единственный здоровый и безопасный способ сохранить деньги – это превратить их в наличность и закопать.

– Ага, – произнесла мисс Марпл, – начинаю понимать.

– Так вот. Друзья спорили с ним, доказывали, что при этом он не получит доход по процентам, но он стоял на своем, говоря, что ему наплевать. Основную часть состояния, заявлял он, нужно хранить в ящике, «засунутом под кровать или закопанном в саду». Таковы были его слова.

А когда он умер, – продолжила Чармиан, – после него почти ничего не осталось, ни на банковских счетах, ни в ценных бумагах, хотя он был очень богат. Так что мы думаем, что он так и поступил, как собирался.

Эдвард счел нужным пояснить:

– Мы узнали, что он продал ценные бумаги и время от времени у него на руках оказывались большие суммы, но никто не знает, что он с ними делал. Так что кажется весьма вероятным, что он действительно претворял в жизнь свои принципы и на самом деле покупал золото и зарывал его.

– Он ничего не сказал перед смертью? Какие-нибудь бумаги, письмо?

– Нет. И это просто сводит с ума. Он лежал несколько дней без сознания, но пришел в себя перед смертью. Посмотрел на нас и ухмыльнулся – очень слабый, но все же смешок. «У вас все будет хорошо, дорогие мои голубки». Затем он прикрыл глаз – правый глаз – и подмигнул. А потом умер. Бедный дядюшка Мэтью.

– Прикрыл глаз, – задумчиво проговорила мисс Марпл.

– Это вам что-нибудь говорит? – нетерпеливо спросил Эдвард. – Я было подумал об истории с Арсеном Люпенем, когда что-то было спрятано у кого-то в стеклянном глазу. Но у дядюшки Мэтью не было стеклянного глаза.

Мисс Марпл покачала головой.

– Нет... Сейчас мне трудно что-нибудь предположить.

Чармиан выглядела разочарованной.

– Джейн говорила, вы *сразу* скажете где копать!

Мисс Марпл улыбнулась.

– Видите ли, я не волшебница, я не знала вашего дядю, не знаю, что он был за человек, не знаю дома и поместья.

– А если бы вы все это узнали? – спросила Чармиан.

– Пожалуй, тогда найти разгадку будет совсем легко, как вы думаете? – отозвалась мисс Марпл.

– Легко! – вскричала Чармиан. – Приезжайте сами в Анстейз и посмотрите, как это легко!

Возможно, она не ожидала, что приглашение будет воспринято всерьез, но мисс Марпл оживилась и заявила:

– А и вправду, моя дорогая; как это мило с вашей стороны. Всегда мечтала поискать зарытое сокровище. Ну и конечно, – добавила она с лучезарной поздневикторианской улыбкой, – получить при этом неплохой процент!

– Теперь вы видите сами! – воскликнула Чармиан, сопровождая слова выразительным жестом.

Они уже завершали большое турне вокруг поместья Анстейз. Обошли огород, который избороздили траншеи. Прошли по рошицам, где каждое мало-мальски взрослое деревце было кругом окопано. И бросили печальный взгляд на усеянную ямами поверхность когда-то ровной лужайки. Побывали они также на чердаке, где стояли, словно распотрошенные грабителями, старые чемоданы и сундуки. Довелось им побывать и в подвалах, где тут и там валялись плиты, которыми некогда был вымощен пол, будто вырванные неведомой силой со своих насиженных мест. Стены дома они обмерили и простучали. И каждый более или менее старый предмет обстановки, в котором имелся или мог иметься потайной ящик, был тщательно обследован.

На столе в кабинете они видели груды бумаг – здесь были все бумаги, что остались от покойного Мэтью Строуда. Ни одна не была уничтожена, у Чармиан и Эдварда уже выработалась привычка снова и снова перебирать их, внимательно перечитывая счета, приглашения и деловую корреспонденцию в надежде отыскать хоть какой-то, не замеченный прежде ключ.

– Как вы думаете, может быть, мы все-таки что-нибудь пропустили во время поисков? – Чармиан посмотрела на собеседницу вопросительно и с надеждой.

Мисс Марпл покачала головой:

– Вы отнеслись к поискам очень добросовестно, дорогая. Пожалуй, если позволите высказать мое мнение, немножко *чересчур* добросовестно. Я, знаете ли, всегда считала, что во всем нужен план. Все это напомнило мне историю моей подруги, миссис Элдритч. У нее была милая крошка горничная, которая потрясающе натирала мастикой линолеум, но она не знала меры ни в чем и однажды так сильно натерла пол рядом с ванной, что когда миссис Элдритч, помывшись, встала на пробковый коврик, тот заскользил, и она упала, сильно разбилась и даже сломала ногу! Ей очень не повезло, тем более что дверь ванной комнаты была, разумеется, закрыта, и садовнику пришлось приставлять лестницу и залезать в окно – можете представить, как это расстроило миссис Элдритч, ведь она была всегда крайне стыдлива.

Эдвард нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

Мисс Марпл быстро проговорила:

– Пожалуйста, простите меня. Я слишком легко отклоняюсь от темы. Но так часто одни вещи напоминают другие. Иногда это наводит на верную мысль. А я лишь хотела сказать, что если бы мы постарались сосредоточиться и подумали хорошенько, в каком подходящем месте...

– Подумайте за нас, мисс Марпл, – сердито произнес Эдвард. – В данный момент мой мозг и мозг Чармиан зияют очаровательной пустотой!

– Успокойтесь, дорогой, успокойтесь. Конечно, на вас столько свалилось. Если не возражаете, я просмотрю все это. – И она указала на стол с бумагами. – Разумеется, если в них нет ничего личного. Не хочу, чтобы выглядело так, будто я лезу в чужие тайны.

– О, не беспокойтесь. Но, боюсь, вы ничего не найдете.

Она присела к столу и принялась методично перебирать бумаги из разных связок. Каждый раз, взяв следующую, она, едва взглянув, сортировала документы на небольшие аккуратные стопки. Закончив, она какое-то время сидела неподвижно, глядя в пространство перед собой.

– И что дальше, мисс Марпл? – спросил Эдвард не совсем беззлобно.

Мисс Марпл слегка вздрогнула и, казалось, очнулась.

– Прошу прощения. Задумалась. Спасибо.

– Вы обнаружили что-нибудь стоящее?

– Не то чтобы очень, но, полагаю, теперь я, наконец, поняла, что за человек был ваш дядюшка Мэтью. Он похож на моего дядю Генри. Любил незамысловатые шутки. Понятное дело, холостяк... Интересно, в чем дело... Может, раннее разочарование? Любил систему во всем, все по полочкам, все по правилам, но терпеть не мог всему этому следовать – таковы некоторые холостяки!

Стоявшая у мисс Марпл за спиной Чармиан сделала Эдварду знак, говорящий: «*Она тронулась*».

К счастью, мисс Марпл продолжала говорить о покойном дяде Генри:

– Обожал, знаете ли, каламбуры. А многих людей они как раз больше всего и раздражают. Знали бы вы, как может действовать на нервы простая игра слов. И, кстати, он тоже был очень подозрителен. Все время считал, что слуги его обкрадывают. Конечно, порой случалось и это, но ведь не постоянно. Бедняга, это его так угнетало. В конце концов, он стал их подозревать в том, что они покушаются на его пищу, и в результате отказался есть что-нибудь, кроме вареных яиц! Говорил, что никто не отщипнет от них ни кусочка и не залезет внутрь. Милый дядя Генри, когда-то он был таким весельчаком... обожал кофе после обеда. Всегда говорил, допив чашку: «Здесь мало ваты», подразумевая, как вы догадываетесь, что в чашке его помещается маловато и хотелось бы выпить еще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.